

Э Р А З М

РОТТЕРДАМСКИЙ

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Эразм Роттердамский
Похвала глупости

«Издательство АСТ»

1509

УДК 821.113-3
ББК 84(4Нид)-44

Роттердамский Э. (.

Похвала глупости / Э. (. Роттердамский — «Издательство АСТ»,
1509 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-110319-4

«Похвалу Глупости» вполне можно назвать «международным супербестселлером эпохи Возрождения», ведь сразу после первой публикации в Париже в 1511 году она выдержала только во Франции 7 переизданий, а всего переиздавалась в разных странах при жизни автора более 40 раз. Сам Эразм, считавший свою блестящую по форме и содержанию сатиру не более чем забавным литературным пустяком, был немало поражен столь громким успехом. В построенном в форме монолога произведении главной героиней выступает Мория (Глупость), открывая читателю свои тайны, перечисляя заслуги, восхваляя саму себя и, главное, насмехаясь над многими «мудрецами». В рассуждениях о своем предназначении она затрагивает вопросы искусства, культуры, устройства общества и многие другие. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.113-3
ББК 84(4Нид)-44

ISBN 978-5-17-110319-4

© Роттердамский Э. (. , 1509
© Издательство АСТ, 1509

Содержание

Предисловие автора	6
Глупость говорит	9
Глава I	9
Глава II	10
Глава III	11
Глава IV	12
Глава V	13
Глава VI	14
Глава VII	15
Глава VIII	16
Глава IX	17
Глава X	18
Глава XI	19
Глава XII	20
Глава XIII	21
Глава XIV	23
Глава XV	24
Глава XVI	26
Глава XVII	27
Глава XVIII	28
Глава XIX	29
Глава XX	30
Глава XXI	31
Глава XXII	32
Глава XXIII	33
Глава XXIV	34
Глава XXV	36
Глава XXVI	37
Глава XXVII	38
Глава XXVIII	39
Глава XXIX	40
Глава XXX	42
Глава XXXI	43
Глава XXXII	45
Глава XXXIII	46
Глава XXXIV	47
Глава XXXV	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эразм (Дезидерий) Роттердамский

Похвала глупости

© Примечания, статья. Л. Пинский, наследники, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие автора

Эразм Роттердамский своему милому Томасу Мору¹ посылает привет.

В недавние дни, возвращаясь из Италии в Англию и не желая, чтобы время, проводимое на лошади, расточалось в пустых разговорах, чуждых музам и литературе, я либо размышлял о совместных ученых занятиях, либо наслаждался мысленно, вспоминая о покинутых друзьях, столь же ученых, сколь любезных моему сердцу. Между ними и ты, милый Мор, являлся мне в числе первых: вдали от тебя я не менее наслаждался воспоминаниями, нежели, бывало, вблизи общением с тобою, которое, клянусь, слаще всего, что мне случалось отведать в жизни. И вот я решил заняться каким-нибудь делом, а поскольку обстоятельства не благоприятствовали предметам важным, то и задумал я сложить похвальное слово Глупости. «Что за Паллада внушила тебе эту мысль?» – спросишь ты. Прежде всего, навело меня на эту мысль родовое имя Мора, столь же близкое к слову «мория»², сколь сам ты далек от ее существа, ибо, по общему приговору, ты от нее всех дальше. Затем мне казалось, что эта игра ума моего тебе особенно должна прийтись по вкусу, потому что ты всегда любил шутки такого рода, иначе говоря – ученые и не лишены соли (ежели только не заблуждаюсь я в оценке собственного моего творения), и вообще не прочь был поглядеть на человеческую жизнь глазами Демокрита³. Хотя по исключительной прозорливости ума ты чрезвычайно далек от вкусов и воззрений грубой толпы, зато благодаря необыкновенной легкости и кротости нрава можешь и любишь, снисходя до общего уровня, играть роль самого обыкновенного человека. А значит, ты не только благосклонно примешь эту мою ораторскую безделку, эту памятку о твоём товарище, но и возьмешь ее под свою Защиту; отныне, тебе посвященная, она уже не моя, а твоя.

Найдутся, быть может, хулители, которые станут распространять клевету, будто легкие эти шутки не к лицу теологу и слишком язвительны для христианского смирения; быть может, даже обвинят меня в том, что я воскрешаю древнюю комедию или, по примеру Лукиана⁴, подвергаю осмеянию всех и каждого. Но пусть те, кого возмущают легкость предмета и шутливость изложения, вспомнят, что я лишь последовал примеру многих великих писателей. Сколько веков тому назад Гомер воспел Батрахомиомахию⁵, Марон – комара и чесночную закуску⁶, Овидий⁷ – орех! Поликрат написал похвальное слово Бусириду, которое затем исправил Исократ⁸, Главк восхвалял неправосудие⁹, Фаворин – Терсита¹⁰ и перемежающуюся лихорадку,

---

¹ *Томас Мор* (1478–1535) – известный английский гуманист и государственный деятель, с которым Эразм был дружен. Его перу принадлежит знаменитая «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516).

² *Мория* – глупость (греч.).

³ *Демокрит Абдерский* (ок. 460 г. – ок. 370 г. до н. э.) – великий древнегреческий философ-материалист, основатель учения об атомах, как неизменных элементах материи. Древние называли Демокрита «смеющимся философом».

⁴ *Лукиан* (ок. 120–180 гг. н. э.) – знаменитый древнегреческий сатирик, автор многочисленных диалогов, памфлетов и сатирических рассказов, в которых зло осмеивал религиозные представления языческой мифологии и раннего христианства.

⁵ *Батрахомиомахия* (то есть «Война мышей и лягушек») древнегреческая поэма (V в. до н. э.), в которой борьба лягушек и мышей описана наподобие войны троянцев с ахейцами, изображенной в «Илиаде». Во времена Эразма «Батрахомиомахия» приписывалась, по античной традиции, Гомеру.

⁶ Среди приписываемых знаменитому римскому поэту Публию Вергилию *Марону* (70–19 до н. э.) стихотворений есть две маленькие шуточные поэмы, на которые и намекает здесь Эразм.

⁷ *Публий Овидий Назон* (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.) – один из крупнейших римских поэтов.

⁸ *Исократ* (436–338 гг. до н. э.) – знаменитый афинский оратор, автор многочисленных речей и декламации. В речи «Бусирид» он исправляет и дополняет софиста Поликрата, восхвалявшего легендарного египетского царя Бусирида, который приносил в жертву богам всех прибывавших в Египет чужеземцев.

⁹ Намек на рассуждения софиста Главка в диалоге Платона «Государство» (II, 2).

Синесий¹¹ лысину. Лукиан – муху и блоху¹², Сенека сочинил шуточный апофеоз Клавдия¹³, Плутарх – разговор Грилла с Улиссом¹⁴, Лукиан и Апулей – похождения осла¹⁵ и уже не помню кто – завешание поросенка¹⁶ по имени Грунний Корокотта, о чем упоминает св. Иероним¹⁷.

Если же всего этого мало, то пусть вообразят строгие мои судьи, что мне пришла охота поиграть в бирюльки или поездить верхом на длинной хворостине. В самом деле, разрешая игры людям всякого звания, справедливо ли отказывать в них ученому, тем более если он так трактует забавные предметы, что читатель, не вовсе бестолковый, извлечет отсюда более пользы, чем из иного педантского и напыщенного рассуждения? Вот один в терпеливо составленной из разных кусков речи прославляет риторику и философию, вот другой слагает хвалы какому-нибудь государю, вот третий призывает к войне с турками. Иной предсказывает будущее, иной поднимает новые вопросы – один другого пустячнее и ничтожнее. Но ежели ничего нет нелепее, чем трактовать важные предметы на вздорный лад, то ничего нет забавнее, чем трактовать чушь таким манером, чтобы она отнюдь не казалась чушью. Конечно, пусть судят меня другие: однако коль скоро не вконец обольстила меня Филавтия¹⁸, то сдастся мне, что я восхвалил Глупость не совсем глупо. Что же касается пустого упрека в излишней резкости, то отвечу, что всегда дозволено было безнаказанно насмехаться над повседневной человеческой жизнью, лишь бы эта вольность не переходила в неистовство. Весьма дивлюсь я нежности современных ушей, которые, кажется, ничего не выносят, кроме торжественных титулов. Немало также увидишь в наш век таких богомоллов, которые скорее стерпят тягчайшую хулу на Христа, нежели самую безобидную шутку насчет папы или государя, в особенности когда дело затрагивает интересы кармана. Но если кто судит жизнь человеческую, не называя имен, то почему, спрошу я, видеть здесь непременно язвительное издевательство, а не наставление, не увещание? А в противном случае сколь часто пришлось бы мне обращаться с укорами и порицаниями к самому себе! И, наконец, кто не щадит ни одного звания в роде людском, тот ясно показывает, что не против отдельных лиц, а только против пороков он ополчился. Итак, если кто теперь станет кричать, жалуясь на личную обиду, то лишь выдаст тем свой страх и нечистую совесть. Куда вольней и язвительней писал св. Иероним, не щадивший и имен порою! Я же не только избегал повсеместно имен собственных, но сверх того старался умерить всячески слог, дабы разумному читателю сразу же было понятно, что я стремлюсь скорее к смеху, нежели к злomu глумлению. Я не хотел по примеру Ювенала¹⁹ ворошить сточную яму тайных пороков и охотнее выставлял напоказ смешное, нежели гнусное.

¹⁰ *Фаворин* из Арелата (ныне Арль во Франции) – греческий ритор и философ (II в. н. э.); Терсит – ахейский воин, изображенный безобразным, дерзким и злым («Илиада», II, 216–219).

¹¹ *Синесий* Киренский (ок. 370–413 гг. н. э.) – философ-неоплатоник александрийской школы; принял христианство и был митрополитом Киренского пятиградия (в Северной Африке). Среди произведений Синесия до нас дошло шутивное «Похвальное слово плешу».

¹² Эразм имеет в виду «Похвальное слово мухе» Лукиана.

¹³ Луций Анней *Сенека* (I в. н. э.) – знаменитый римский философ-стоик. Эразм имеет в виду сатиру «Отыквление», написанную Сенекой на смерть императора Клавдия.

¹⁴ В одном из сочинений выдающегося греческого писателя-моралиста *Плутарха* (ок. 46–126 гг. н. э.) выведен Грилл – спутник Улисса (Одиссея), превращенный (как и его товарищи) волшебницей Цирцеей в свинью. Предпочитая оставаться в этом состоянии, Грилл убеждает Одиссея в преимуществах четвероногих над двуногими.

¹⁵ *Апулей* (род. ок. 124 г. н. э.) – известный римский писатель. Его роман «Метаморфозы» («Золотой Осел») по основной сюжетной схеме близок к приписываемой Лукиану повести «Лукий, или Осел». В обоих произведениях рассказывается о приключениях юноши, превратившегося в осла.

¹⁶ «Завешание поросенка» – шуточное анонимное сочинение на латинском языке (III или IV в. н. э.).

¹⁷ *Иероним* (ок. 340–420 гг. н. э.) из Далмации – известный теолог, автор многих богословских сочинений; ему принадлежит латинский перевод Библии, так называемая «Вульгата». Эразм издал в 1516 году полное собрание сочинений св. Иеронима, снабдив их своими комментариями.

¹⁸ *Филавтия* – Самолюбие (греч.). Ниже (гл. IX) упомянута в числе спутниц Глупости.

¹⁹ Деций Юний *Ювенал* (I–II вв. н. э.) – знаменитый древнеримский поэт-сатирик, бичевавший римские нравы императорской эпохи.

Того, кто не удовлетворится всем сказанным, прошу вспомнить для утешения, что весьма почтенно служить жертвою нападок Глупости, от лица которой я взял слово. Впрочем, стоит ли говорить все это такому искусному адвокату, как ты²⁰; и без того ты сумеешь отстоять наилучшим образом даже и не столь правое дело. Прощай же, мой красноречивейший Мор, и Морию твою защищай всеусердно.

*Писано в деревне
10 июня 1508 г.²¹*

---

²⁰ Томас Мор начал свою деятельность как адвокат.

²¹ Дата, по-видимому, ошибочная (возможно, опечатка первого издания). «Похвальное слово Глупости» написано не раньше 1510 года, издано впервые в 1511 году.

Глупость говорит

Глава I

Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, – мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, – все же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство – перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многолюдном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех. При взгляде на вас кажется мне, будто я вижу богов Гомеровых, охмелевших от нектара, настоящего на непенте²², а ведь только что вы сидели печальные и озабоченные, словно воротились недавно из Трофониевой пещеры²³. Подобно тому как утреннее солнце, показывающее земле свой прекрасный золотой лик, или как ранняя весна, веющая приятными зефирами после суровой зимы, всему сообщают новый цвет и вид и новую юность, так и у вас при взгляде на меня совсем иными сделались лица. В то время как даже великие риторы лишь при помощи длинной, старательно обдуманной речи понуждают вас стряхнуть с души тяжелые заботы, я достигла этого сразу, единым моим появлением.

---

²² *Непента* – упоминаемое в «Одиссее» растение, которое усиливало опьяняющее действие вина.

²³ *Трофониева пещера* – оракул Зевса в Беотии. Обстановка, в которой давались предсказания, была настолько ужасна, что все побывавшие в пещере выходили из нее потрясенные.

Глава II

Чего ради выступаю я сегодня в несвойственном мне облики, об этом вы узнаете, ежели будете слушать внимательно, – не так, как слушают церковных проповедников, но как внимают рыночным скоморохам, шутам и фиглярам или так, как наш друг Мидас слушал некогда Пана²⁴. Ибо захотелось мне появиться перед вами в роли софиста, но только – не одного из тех, которые ныне вколачивают в головы мальчишкам вредную чушь и научают их препираться с упорством, более чем бабьим. Нет, я хочу подражать тем древним грекам, которые, избегая позорной клички мудрецов, предпочли назваться софистами²⁵. Их тщанием слагались хвалы богам и великим людям. И вы тоже услышите сегодня похвальное слово, но не Гераклу и не Солону²⁶, а мне самой, иначе говоря – Глупости.

---

²⁴ Царь Фригии Мидас, присутствовавший при состязании Аполлона с *Паном*, предпочел простую свирель Пана кифаре Аполлона. В наказание оскорбленный бог наградил его ослиными ушами (греч. миф.).

²⁵ Имеется в виду течение в древнегреческой философии (V–IV вв. до н. э.), взгляды представителей которого (Горгия, Протагора, Продика, Гиппия и др.) были проникнуты скептицизмом, субъективизмом и релятивизмом. Они называли себя софистами (от *греч.* «софия» – мудрость) и обучали «мудрости», прежде всего – умению аргументировать любой тезис. Сократ, Платон и Аристотель осуждали софистов, противопоставляя их учению объективные и общеобязательные нормы разума и морали. Со временем термином «софистика» стали обозначать «мнимую мудрость» (по определению Аристотеля).

²⁶ *Солон* (ок. 63 – ок. 559 гг. до н. э.) – законодатель древних Афин и один из древнейших аттических поэтов. Солон греки считали одним из величайших мудрецов.

Глава III

Воистину не забочусь я нисколько о тех любомудрах, которые провозглашают дерзновеннейшим глупцом всякого, кто произносит хвалы самому себе. Ладно, пусть это будет глупо, если уж им так хочется, – лишь бы зазорно не было. Кому, однако, как не Глупости, больше подобает явиться трубачом собственной славы и самой себе подыгрывать на флейте? Кто может лучше изобразить меня, нежели я сама? Разве что тот, кому я известна ближе, нежели себе самой! Сверх того, действуя таким образом, я почитаю себя скромнее большинства великих и мудрых мира сего. Удерживаемые ложным стыдом, они не решаются выступить сами, но вместо того нанимают какого-нибудь продажного ритора или поэта-пустозвона, из чьих уст выслушивают похвалу, иначе говоря – ложь несусветную. Наш смиренник распускает хвост, словно павлин, задирает хохол, а тем временем бесстыжий льстец приравнивает этого ничтожного человека к богам, выставляет его образцом всех доблестей, до которых тому, как до звезды небесной, далеко, наряжает ворону в павлиньи перья, старается выбелить эфиопа и из мухи делает слона. Наконец, я применяю на деле народную пословицу, гласящую: «Сам выхваляйся, коли люди не хвалят». Не знаю, чему дивиться лености или неблагодарности смертных: хотя все они меня усердно чтут и охотно пользуются моими благодеяниями, никто, однако, в продолжение стольких веков не удосужился воздать в благодарственной речи похвалу Глупости, тогда как не было недостатка в охотниках сочинять, не жалея лампового масла и жертвуя сном, напыщенные славословия Бусиридам, Фаларидам²⁷, перемежающимся лихорадкам, мухам, лысынам и тому подобным напастям. От меня же вы услышите речь, не подготовленную заранее и не обработанную, но зато тем более правдивую.

---

²⁷ *Фаларид* (VI в. до н. э.) – тиран Агригента (Сицилия), отличавшийся крайней жестокостью. Лукиан написал два «Слова» о Фалариде: первое произносят в защиту тирана его посланцы, обращаясь к жрецам Аполлона и народу дельфийскому, второе, ответное, – один из дельфийцев.

Глава IV

Не хотелось бы мне, чтобы вы заподозрили меня в желании блеснуть остроумием по примеру большинства ораторов. Ведь те, – дело известное, когда читают речь, над которой бились лет тридцать, а иногда так и вовсе чужую, то дают понять, будто сочинили ее между делом, шутки ради, в три дня, или просто продиктовали невзначай. Мне же всегда особенно приятно было говорить то, что в голову взбредет. И да не ждет никто, чтобы я по примеру тех же заурядных риторов стала предлагать вам здесь точные определения, а тем более разделения. Ибо как ограничить определениями ту, чья божественная сила простирается так широко, или разделить ту, в служении которой объединился весь мир? Да и вообще, к чему выставлять напоказ тень мою или образ, когда вот я сама стою здесь перед вами? Видите? Вот я, Глупость, щедрая подательница всяческих благ, которую латиняне зовут Стультицией²⁸, а греки – Морией.

---

²⁸ *Стультиция* – глупость (лат.).

Глава V

Да и вообще – нужны ли здесь слова? Разве само чело мое и лик, как говорится, не достаточно свидетельствуют о том, кто я такая? Если бы кто даже и решился выдать меня за Минерву или за Софию, мое лицо – правдивое зеркало души – опровергло бы его без долгих речей. Нет во мне никакого притворства, и я не стараюсь изобразить на лбу своем то, чего нет у меня в сердце. Всегда и всюду я неизменна, так что не могут скрыть меня даже те, кто изо всех сил старается присвоить себе личину и титул мудрости, – эти обезьяны, рядящиеся в пурпур, и ослы, щеголяющие в львиной шкуре. Пусть притворствуют как угодно: торчащие ушки все равно выдадут Мидаса. Неблагодарна, клянусь Гераклом, и та порода людей, которая всего теснее связана со мною, а между тем при народе так стыдится моего имени, что даже попрекает им своих ближних, словно бранною кличкой. Эти глупейшие из глупцов хотят прослыть мудрецами и Фалесами²⁹, но можно ли назвать их иначе как глупомудрами?

---

²⁹ *Фалес* из Милета (ок. 624–547 гг. до н. э.) – родоначальник античной философии, впервые высказавший идею о единой материальной основе мира (считая такой основой воду). Один из так называемых «семи греческих мудрецов».

Глава VI

Как видите, мне действительно захотелось подражать риторам нашего времени, которые считают себя уподобившимися богам, если им удастся прослыть двуязычными³⁰, наподобие пиявок, и которые полагают верхом изящества пересыпать латинские речи греческими словечками, словно бубенцами, хотя бы это и было совсем некстати. Если же не хватает им заморской тарабарщины, они извлекают из полуистлевших грамот несколько устарелых речений, чтобы пустить пыль в глаза читателю. Кто понимает, тот тешится самодовольством, а кто не понимает, тот тем более дивится, чем менее понимает. Ибо нашей братии весьма приятно бывает восхищаться всем иноземным. А ежели среди невежественных слушателей и читателей попадутся люди самолюбивые, они смеются, рукоплещут и, на ослиный лад, помахивают ушами, дабы другие не сочли их несведущими. Да, именно так.

Теперь возвращаюсь к главному предмету моей речи.

---

³⁰ *Двуязычные* – то есть знающие греческий и латинский языки.

Глава VII

Итак, мужи... каким бы эпитетом вас почтить? Ах да, конечно: мужи глупейшие! Ибо какое более почетное прозвище может даровать богиня Глупость сопричастникам ее таинств? Но поскольку далеко не всем известно, из какого рода я происхожу, то и попытаюсь изложить это здесь, с помощью Муз. Родителем моим был не Хаос, не Орк, не Сатурн, не Иапет³¹ и никто другой из этих обветшалых, полуистлевших богов, но Плутос³², который, не во гнев будь сказано Гомеру, Гесиоду³³ и даже самому Юпитеру, есть единственный и подлинный отец богов и людей³⁴. По его мановению в древности, как и ныне, свершалось и свершается все – и священное, и мирское. От его приговоров зависят войны, мир, государственная власть, советы, суды, народные собрания, браки, союзы, законы, искусства, игрища, ученые труды... – вот уж и дыхания не хватает, – коротко говоря, все общественные и частные дела смертных. Без его содействия всего этого племени поэтических божеств – скажу больше: даже верховных богов³⁵ – вовсе не было бы на свете или они прозябали бы самым жалким образом. На кого он прогневается, того не выручит и сама Паллада. Напротив, кому он благоволит, тому и дела нет до Юпитера с его громами. Вот каков мой отец. И породил он меня не из головы своей, как некогда Юпитер эту хмурую, чопорную Палладу, но от Неотеты³⁶, самой прелестной и веселой из нимф. И не в узах унылого брака, как тот хромо́й кузнец³⁷, родилась я, но – что не в пример сладостнее – от вождения свободной любви, пользуясь словами нашего милого Гомера. И сам отец мой, должно вам знать, был в ту пору не дряхлым полуслепым Плутосом Аристофана³⁸, но ловким и бодрым, хмельным от юности, а еще больше – от нектара, которого хлебнул он изрядно на пиру у богов.

³¹ *Иапет* – титан, отец титанов Прометея, Эпиметея и Атланта.

³² *Плутос* – греческий бог богатства.

³³ *Гесиод* – древнегреческий поэт VIII–VII вв. до н. э.; ему принадлежат две большие дидактические поэмы «Труды и дни» и «Теогония» («Происхождение богов»).

³⁴ Так Гомер и Гесиод неоднократно называют Зевса (Юпитера).

³⁵ Греческая мифология насчитывала 12 главных (верховных) богов и богинь.

³⁶ *Неотета* – Юность (греч.).

³⁷ *Хромо́й кузнец* – Гефест, греческий бог огня и кузнечного ремесла.

³⁸ В комедии великого древнегреческого комедиографа *Аристофана* (ок. 445–385 гг. до н. э.) «Богатство» бог богатства *Плутос* выведен в образе слепого старика.

Глава VIII

Если вы спросите о месте моего рождения, – ибо в наши дни благородство зависит прежде всего от того, где издал ты свой первый младенческий крик, то я отвечу, что не на блуждающем Делосе, и не среди волнующегося моря³⁹, и не под сенью пещеры⁴⁰ родилась я, но на тех Счастливых островах, где не сеют, не пашут, а в житницы собирают. Там нет ни труда, ни старости, ни болезней, там на полях не увидишь асфоделей, мальв, морского луку, волчцов, бобов и тому подобной дряни, но повсеместно глаза и обоняние твои ласкают молий, панацея⁴¹, непента, майоран, бессмертники, лотосы, розы, фиалки и гиацинты, достойные садов Адонисовых⁴². Рожденная среди этих усад, не с плачем вступила я в жизнь, но ласково улыбнулась матери. Право, не завидую я вышнему Кронида, вскормленному козой⁴³, – ведь меня питали своими сосцами две прелестные нимфы – Метэ⁴⁴, рожденная Вакхом, и Апедия⁴⁵, дочь Пана.

Обеих вы видите в толпе моих спутниц и наперсниц. А если вам угодно знать имена всех прочих, то – клянусь Гераклом! – я назову их не иначе как по-гречески.

---

³⁹ На острове Делосе, который носился до этого по морским волнам, родился бог Аполлон. Из морской пены возникла богиня Афродита (греч. миф.).

⁴⁰ Намек на миф о рождении Зевса.

⁴¹ *Молий* – растение, употреблявшееся древними как средство против колдовских чар. *Панацея* – мифическая трава, исцеляющая все болезни.

⁴² *Адонис* – прекрасный юноша, любимец Афродиты; бил растерзан вепрем во время охоты, а затем превращен богиней в цветок (греч. миф.). «Сады Адониса» – поговорка, обозначающая все непрочное, быстро преходящее, доставляющее лишь кратковременное удовольствие.

⁴³ *Кронид* – сын Крона, то есть Зевс. Крон, зная, что он будет свергнут одним из сыновей, проглатывал всех своих детей, как только они рождались. Младшего сына, Зевса, мать его Рея родила в пещере на острове Крите и, спрятав от отца, поручила заботам нимф, которые вскормили его молоком божественной козы Амалфеи (греч. миф.).

⁴⁴ *Метэ* – Опыянение (греч.).

⁴⁵ *Апедия* – Невоспитанность (греч.).

Глава IX

Вот эта, с горделиво поднятыми бровями, – Филавтия. Та, что улыбается одними глазами и плещет в ладоши, носит имя Колакии⁴⁶. А эта, полусонная, словно дремлющая, зовется Летой⁴⁷. Эта, что сидит со сложенными руками, опершись на локти, – Мисопония⁴⁸. Эта, увитая розами и опрысканная благовониями, – Гедонэ⁴⁹. Эта, с беспокойно блуждающим взором, называется Анойя⁵⁰. Эта, с лоснящейся кожей и раскормленным телом, носит имя Трифэ⁵¹. Взгляните еще на этих двух богов, замешавшихся в девичий хоровод: одного из них зовут Комос⁵², а другого – Негретос Гипнос⁵³. С помощью этих верных слуг я подчиняю своей власти весь род людской, отдаю повеления самим императорам.

---

⁴⁶ Колакия – Лесть (греч.).

⁴⁷ Лета – Забвение (греч.).

⁴⁸ Мисопония – Лень (греч.).

⁴⁹ Гедонэ – Наслаждение (греч.).

⁵⁰ Анойя – Безумие (греч.).

⁵¹ Трифэ – Чревоугодие (греч.).

⁵² Комос – Разгул (греч.).

⁵³ Негретос Гипнос – Непробудный сон (греч.).

Глава X

Теперь вы знаете, каков мой род, каково воспитание и какова свита. Дабы не подумал никто, будто я без должного права присвоила себе звание богини, внимайте, наострив уши, какими благами одаряю я богов и людей и как широко простирается моя божественная сила.

Если не зря написал некто, что быть богом – значит помогать смертным, и ежели по заслугам допущены в верховное собрание богов те, кто ввел в употребление хлеб, вино и прочие полезные вещи, то почему бы и мне не именоваться альфой в алфавите богов, поскольку я щедрее всех?

Глава XI

Прежде всего – что может быть слаще и драгоценней самой жизни? Но кому обязаны вы возникновением ее, если не мне? Ведь не копье Паллады, дщери могучего отца, и не эгида тучегонителя Зевса⁵⁴ производят и умножают род людской. Воистину, сам отец богов и владыка людей, сотрясающий Олимп единым своим мановением, откладывает порою в сторонку трезубые свои молнии и обличье титана, столь страшное небожителям. Волей-неволей напяливает он, подобно актеру, чужую личину, когда овладевает им столь привычное для него желание делать детей. Стоики полагают, что они всего ближе к богам. Но дайте мне тройного, четверного, дайте, если угодно, тысячекратного стойка, – я докажу, что и ему придется в подобном случае отложить в сторону если не бороду, знамя мудрости, общее, впрочем, с козлами, то свою хмурую важность и свои твердокаменные догматы⁵⁵, придется расправить морщины на лбу и поклониться сладостному безумию. Утверждаю, что ко мне, лишь ко мне одной, должен будет взывать этот мудрец, ежели только возжелает стать отцом. Впрочем, почему бы мне, по обычаю моему, не изъясниться еще откровеннее? Скажите, пожалуйста, разве голова, лицо, грудь, рука, ухо или какая другая часть тела из тех, что слынут добропорядочными, производит на свет богов и людей? Нет, умножает род человеческий совсем иная часть, до того глупая, до того смешная, что и поименовать-то ее нельзя, не вызвав общего хохота. Таков, однако, источник, более священный, нежели числа Пифагоровы⁵⁶, и из него все живущее получает свое начало. Скажите по совести, какой муж согласился бы надеть на себя узду брака, если бы, по обычаю мудрецов, предварительно взвесил все невыгоды супружеской жизни? Какая женщина допустила бы к себе мужа, если бы подумала и поразмыслила об опасностях и муках родов и о трудностях воспитания детей? Но если жизнью мы обязаны супружеству, а супружеством моей служанке Анойе, то сами вы понимаете, в какой мере являетесь моими должниками. Далее, какая женщина, единожды попробовавшая рожать, согласилась бы повторить этот опыт, если бы не божественная сила спутницы моей Леты? Не во гнев будь сказано Лукрецию, сама Венера не посмеет отрицать, что без моей чудесной помощи все ее могущество не имело бы ни силы, ни действия⁵⁷. Итак, только благодаря моей хмельной и веселой игре рождаются на свет и угрюмые философы, чье место в наши дни унаследовали так называемые монахи, и порфиноносные государи, и благочестивые иереи, и трижды пречистые первосвященники, а за ними и весь этот рой поэтических богов, до того многочисленный, что самый Олимп, сколь он ни обширен, едва может вместить такую толпу.

⁵⁴ Эгида – щит Зевса, сделанный из кожи выкормившей его козы Амалфеи (греч. миф.).

⁵⁵ Эразм говорит об этике стоицизма, философского учения, основанного древнегреческим философом Зеноном (IV–III вв. до н. э.) и получившего широкое распространение в Римской империи (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий и др.). Стоики проповедовали отказ от радостей жизни и подчинение всех человеческих страстей и чувств разуму.

⁵⁶ По мысли древнегреческого философа Пифагора (VI в. до н. э.), в основе всего сущего лежит число.

⁵⁷ Тит Лукреций Кар (ок. 99–55 гг. до н. э.) – знаменитый римский поэт и философ-материалист. Его поэма «О природе вещей» начинается гимном Венере: «Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада, О благая Венера!» (Перевод Ф. Петровского.)

Глава XII

Но мало того, что во мне вы обрели рассадник и источник всяческой жизни: все, что есть в жизни приятного, – тоже мой дар, и я берусь вам это доказать. Чем была бы земная наша жизнь, и вообще стоило ли бы называть ее жизнью, если б лишена была наслаждений? Вы рукоплещете? Я так и знала, что никто из вас не настолько мудр или, лучше сказать, не настолько глуп, нет именно не настолько мудр, чтобы не согласиться с моим мнением. Сами стоики отнюдь не отворачиваются от наслаждений. Лицемеры и клеймя наслаждение перед грубой толпой, они просто хотят отпугнуть других, чтобы самим вольготнее было наслаждаться. Но пусть ответят они мне ради Зевса: что останется в жизни, кроме печали, скуки, томления, несносных доук и тягот, если не примешать к ней малую толику наслаждения, иначе говоря, если не сдобрить ее глупостью? Ссылаюсь на свидетельство прославленного Софокла, который воздал мне следующую красноречивую хвалу: «Блаженна жизнь, пока живешь без дум»⁵⁸.

Попытаемся, однако, рассмотреть этот предмет более обстоятельно.

---

⁵⁸ Слова из трагедии великого древнегреческого трагика *Софокла* (ок. 497–40 гг. до н. э.) «Аянт Биченосец» (554).

Глава XIII

Прежде всего, кому не известно, что первые годы – самый приятный и веселый возраст в жизни человека? Детей любят, целуют, ласкают, даже враг-чужеземец готов прийти к ним на помощь. Чем объяснить это, если не тем, что мудрая природа окутала младенцев привлекательным покровом глупости, который, чаруя родителей и воспитателей, вознаграждает их за труды, а малюткам доставляет любовь и опеку, для них необходимые.

За детством следует юность. Кому она не мила, кто к ней не благоволит, кто не стремится помочь ей, кто не протягивает ей дружелюбную руку? Но в чем, спрошу я, источник очарования юности, если не во мне? Чем меньше умничают мальчик по моей милости, тем приятнее он всем и каждому. Разве я лгу, утверждая, что люди, по мере того как они становятся старше и начинают умнеть благодаря собственному опыту и воспитанию, понемногу теряют свою привлекательность, проворство, красоту и силу? Чем более удаляется от меня человек, тем меньше остается ему жить, пока не наступит наконец тягостная старость, ненавистная не только другим, но и самой себе. Никто из смертных не вынес бы старости, если б я не сжалилась над несчастными и не поспешила бы на помощь. Подобно тому как у поэтов боги, видя, что человек готов расстаться с жизнью, стараются облегчить его участь посредством какой-нибудь метаморфозы⁵⁹, так и я, по мере возможности, возвращаю к детству тех, кто стоит уже на краю могилы. Недаром про дряхлеющих старцев говорят в народе, будто они впали во второе детство. Если кто спросит, каким способом произвожу я подобное превращение, то это не тайна. Я веду старцев к истоку Леты, берущей свое начало на Счастливых островах (лишь узким ручейком струится она затем вдоль Подземного царства), и там, испив влаги забвения, они понемногу смывают с души своей все заботы и набираются новых сил. О них говорят, будто выжили они из ума и несут вздор... Тем лучше! Это и означает, что они снова стали детьми. Быть ребенком и нести вздор – разве это не одно и то же? Разве не больше других веселится в этом возрасте тот, кто поглупее? Кому не мерзок и не кажется чудовищем мальчик с умом взрослого человека? Пословица недаром гласит:

«Ненавижу я мальчишек, зрелых преждевременно».

И кто согласится водить знакомство со стариком, который, наряду с приобретенной за долгие годы опытностью, сохранил полностью силу духа и остроту ума? Лучше уж ему, право, стать дураком по моей милости. Это избавит его от тяжких забот, которые терзают мудреца. Благодаря мне он еще считается недурным собутыльником. Он не испытывает пресыщения жизнью, столь мучительного в более молодом возрасте. Когда он, по примеру старичка, выведенного Плавтом, пожелает вспомнить коротенькое словечко: ЛЮБЛЮ, он будет несчастнейшим из людей, ежели сохранил свой ум⁶⁰. А между тем по моей милости он счастлив, приятен друзьям и может порою принять участие в веселой беседе. Из уст его, как у Гомерова Нестора, струится речь слаще меда, в то время как Ахилл изливает свою злобу в желчных словах⁶¹. У того же Гомера старики беседуют, сидя на городской стене, и голоса их поэт сравнивает с шелестом лилий⁶². В этом отношении старость стоит даже выше младенчества, без сомнения сладостного, но бессловесного, лишенного приятнейшей из житейских утех – мирной болтовни.

⁵⁹ *Метаморфоза* – превращение (греч.).

⁶⁰ Эразм намекает на смену из комедии «Купец» (акт II, сц. 2) великого римского комедиографа Тита Макция Плавта (ок. 254–184 гг. до н. э.).

⁶¹ *Нестор* – мудрый и красноречивый старец, старейший из ахейских царей, осаждавших Трою. Стремясь смягчить гнев спорящих Ахилла и Агамемнона, Нестор... сладкоречивый восстал... Речи из уст его вещей сладчайшие меда лилися» («Илиада», I, 248–249; перевод Н. Гнедича.)

⁶² «Илиада», III, 152.

Прибавьте к этому, что старики очень любят детей, а дети легко привязываются к старикам.

«Сходные вещи сблизить привыкли великие боги»⁶³.

Да и в самом деле, какая разница между стариком и ребенком, если не считать того, что первый изборожден морщинами и насчитывает больше дней от рождения? Те же белые волосы, беззубый рот, малый рост, пристрастие к молоку, косноязычие, болтливость, бестолковость, забывчивость, опрометчивость. Коротко говоря, они во всем подобны друг другу. Чем более стареют люди, тем ближе они к детям, и, наконец, словно настоящие младенцы, не испытывая отвращения к жизни, не сознавая смерти, уходят они из мира.

---

⁶³ «Одиссея», XVII, 218.

Глава XIV

Теперь пусть всякий, кто захочет, сравнит мои благодеяния с метаморфозами, совершавшимися по манию других богов. Не стоит вспоминать здесь, что творят они в порыве гнева, — ведь даже тех, к кому они особенно благосклонны, эти боги превращают в дерево, в птицу, в цикаду и даже в змею. Как будто лишиться образа своего не значит погибнуть! Я же, оставив человека самим собою, лишь возвращаю его к лучшей и счастливейшей поре жизни. Если бы смертные удалялись от всякого общения с мудростью и проводили всю жизнь свою в моем обществе, не было бы на свете ни одного старца, но все наслаждались бы вечной юностью. Взгляните на этих тощих угрюмцев, которые предаются либо изучению философии, либо иным трудным и скучным занятиям. Не успев стать юношами, они уже состарились. Заботы и непрерывные упорные размышления опустошили их души, иссушили жизненные соки. А мои дурачки, напротив того, — гладенькие, беленькие, с холеной шкуркой, настоящие акарнанские свинки⁶⁴, никогда не испытают они тягот старости, ежели только не заразятся ею, общаясь с умниками. Не дано человеку быть всегда и во всем счастливым. Недаром, однако, учит нас народная пословица, что одна только глупость способна удержать быстро бегущую юность и отдалить постылую старость. Правильно также говорят о брабантцах, что они чем старше, тем глупее, в отличие от прочих людей, которые умнеют с годами. А между тем нет народа, с которым приятнее было бы иметь дело и который менее чувствовал бы печальное бремя старости.

По месту жительства и по обычаям всего ближе к брабантцам мои голландцы. Почему бы, в самом деле, и не назвать их моими? Ведь они столь ревностные мои последователи, что заслужили достойное их крылатое прозвище⁶⁵, которого они не только не стыдятся, но коим даже хвастаются с великой охотой!

Пусть же теперь одураченные смертные отправляются к Медеям, Цирцеям⁶⁶, Венерам, Аврорам и отыскивают неведомый источник, который возвратит им утраченную юность, — я, только я одна могу сделать это и всегда делаю. У меня хранится тот чудодейственный сок, посредством которого дочь Мемнона возвратила молодость своему деду Тифону⁶⁷. Я — та Венера, по чьей милости Фаон так помолодел, что в него влюбилась Сафо⁶⁸. Мне принадлежат колдовские травы (если они вообще существуют), мне ведомы волшебные заклинания, под моей властью пребывает тот источник, который не только возвращает вам потерянную юность, но — что еще лучше — делает ее вечной. И если все вы согласны, что ничего нет на свете лучше молодости и ненавистнее старости, то, разумеется, вам должно быть ясно, сколь много вы обязаны мне, сохраняющей такое великое благо и преграждающей путь такому великому злу.

⁶⁴ *Акарнания* — область на севере Греции; жители Акарнании занимались свиноводством.

⁶⁵ Эразм намекает на голландскую пословицу: «Чем старше, тем глупее брабантец; чем старше, тем тупее голландец».

⁶⁶ *Медея*, *Цирцея* (Кирка) — могущественные волшебницы, героини многих древнегреческих мифов.

⁶⁷ Глупость смешивает и путает несколько различных мифов.

⁶⁸ Некоторые древнегреческие предания отождествляют лесбосского юношу Фаона, отвергшего любовь великой поэтессы Сафо (VI в. до н. э.), с Адонисом, любимцем Афродиты (Венеры), которому богиня даровала вечную юность.

Глава XV

Но что говорить о смертных? Общайте все небо, и пусть имя мое будет покрыто позором, если вы найдете хоть одного порядочного и приятного бога, который обходился бы без моего содействия? Почему, например, Вакх⁶⁹ вечно юн и кудряв? Да потому, что он кутила и пьяница, проводит жизнь свою в пирах, плясках, пении и играх и никогда не связывается с Палладой. До того чужды ему всякие помыслы о славе мудреца, что он радуется, когда ему служат со смехом и шутками. Ему не в обиду пословица, которая нарекла его болваном или, точнее говоря, огородным чучелом. А чучелом его прозвали за то, что, когда он сидит у ворот своего храма, земледельцы для потехи обмазывают ему лицо спелыми смоквами и виноградным соком. Каких только шуток не отпускает на его счет древняя комедия! Вот, говорят, дурацкий бог – недаром из бедра на свет вышел. И, однако, кто не предпочел бы участь этого болвана и дурня, вечно веселого, вечно юного, всюду влекущего за собою забавы и игры, жребия грозного для всех тайнодумца Юпитера, или Пана, наводящего ужас своими воплями⁷⁰, или осыпанного золою, грязного от кузнечной работы Вулкана, или даже Паллады с ее страшной Горгоной⁷¹, с ее копьем и неизменно свирепым взором? Почему Купидон – вечно дитя? Почему? Не потому ли, что он, неисправимый повеса, ни о чем серьезном и не помышляет? Почему златоликая Венера вечно цветет красотой? Потому только, что она мне сродни и золотистым цветом лица недаром напоминает моего родителя; по этой причине Гомер и прозвал ее Золотой Афродитой. К тому же она всегда смеется, если верить поэтам и их соперникам – ваятелям. Какое божество чтили римляне усерднее, нежели Флору⁷², мать всех наслаждений?

Впрочем, если проследить у Гомера и других поэтов жизнь даже самых хмурых и степенных богов, то и здесь окажется, что все исполнено глупости. Не говоря уже о прочих богах, вам ведь известны проделки и любовные шашни самого громовержца Юпитера. А эта суровая Диана, которая забыла свой пол в трудах охоты, а между тем сходила с ума по Эндимионе!⁷³ Пусть лучше боги, однако, послушают о своих проказах от Мома⁷⁴, как нередко доводилось им встарь. Но они недавно разгневались и сбросили его на Землю вместе с Атой⁷⁵ за то, что он своим благоразумием нарушал их блаженство. А теперь никто из смертных не оказывает гостеприимства изгнаннику, в особенности нет ему приюта во дворцах государей, где в чести моя милая Колакия, у которой с Момом столько же согласия, сколько у волков с ягненком. После изгнания Мома тем свободнее и веселее дурачатся боги, не страшась сурового цензора, – поистине с легким сердцем, как говорит Гомер. Каких только шуток не откалывает этот деревянный затейник Приап⁷⁶? На какие выдумки не пускается вороватый Меркурий? Даже сам хромоногий Вулкан валяет дурака на пирах у богов и своей неуклюжей поступью, остротами да прибаутками потешает сотрапезников. А там и старец Силен, любитель кордака⁷⁷, пускается в

⁶⁹ Вакх (Дионис) – бог вина, сын Зевса и фиванской царевны Семелы; он родился недоношенным, поэтому Зевс зашил его к себе в бедро, и Дионис вторично родился из бедра своего отца (греч. миф.).

⁷⁰ Лесной бог Пан, разгневавшись, насылал на людей «панический» ужас (греч. миф.).

⁷¹ Горгона – чудовище, взгляд которого обращал людей в камень. Герой Персей победил Горгону, и богиня Афина-Паллада прикрепила ее голову к своему щиту.

⁷² Флора – римская богиня цветов и весны. Празднества в ее честь сопровождались бурным весельем и разгулом.

⁷³ Эндимион – прекрасный юноша, любимец богини Артемиды (римской Дианы). По другим мифам, Эндимиона любила богиня Луны, которая погрузила его в вечный сон.

⁷⁴ Мом – греческий бог злословия.

⁷⁵ Богиня Ата олицетворяла пагубное заблуждение. Зевс, разгневавшись однажды, сбросил Ату на землю и запретил ей возвращаться на Олимп.

⁷⁶ Приап – римский бог плодородия, покровитель полей и садов, позднее – бог сладострастия. Его изображения делались обычно из дерева.

⁷⁷ Силен – воспитатель и постоянный спутник бога Диониса (греч.; миф.); кордак – разнузданный бурный танец в древ-

пляс; рядом с ним Полифем⁷⁸ танцует третанеллу, а нимфы – босоножку, козлоногие же сатиры представляют Ателланские фарсы⁷⁹. Пан какой-нибудь безвкусной и грубой песенкой вызывает всеобщий смех. Боги слушают его охотнее, нежели Муз, особенно когда упьются нектаром. Не знаю, стоит ли вообще вспоминать здесь о том, как ведут себя после пира пьяные боги? До того глупо, что, клянусь Гераклом, я сама подчас помираю со смеху. Однако не лучше ли последовать примеру молчальника Гарпократа⁸⁰, дабы не подслушал какой-нибудь бог-соглядатай, как ведем мы здесь речи, которые и Мому не прошли бы даром.

неаттической комедии.

⁷⁸ *Полифем* – свирепый одноглазый великан (Циклоп), ослепленный Одиссеем.

⁷⁹ *Ателланские фарсы* – древнеримские народные драматические представления часто непристойного содержания, обычно включавшие в себя пляски сатиров; названы так по месту возникновения (город Ателла в Кампании).

⁸⁰ *Гарпократ* – древнеегипетское божество, олицетворявшее восход солнца; изображалось обычно держащим палец правой руки у рта, поэтому греки считали его богом молчания.

Глава XVI

Но уже настало для нас время по примеру Гомерову, покинув небожителей, снова спуститься на землю; а на земле мы не найдем ни веселья, ни счастья, которые не были бы моими дарами. Посмотрите, во-первых, с какой прозорливостью чадолюбивая и благосклонная к человеку природа хлопочет о том, чтобы нигде не было недостатка в приправе Глупости. Согласно определению стоиков, быть мудрым – это не что иное, как следовать велениям разума, а глупым – внушению чувств, и дабы существование людей не было вконец унылым и печальным, Юпитер в гораздо большей мере одарил их чувством, нежели разумом: можно сказать, что первое относится ко второму, как унция к грану⁸¹. Сверх того, он заточил разум в тесном закутке черепа, а все остальное тело обрек волнению страстей. Далее, он подчинил его двум жесточайшим тиранам: во-первых, гневу, засевшему, словно в крепости, в груди человека, в самом сердце, источнике нашей жизни, и, во-вторых, похоти, которая самовластно правит нижней половиной, до признака зрелости. Насколько силен разум против этих двух врагов, достаточно обнаруживает повседневная жизнь: пусть его вопит до хрипоты, провозглашая правила чести и добродетели, – бунтовщики накидывают своему царю петлю на шею и поднимают такой ужасный шум, что он, в изнеможении, сдается и на все изъявляет свое согласие.

---

⁸¹ В римской унции 480 гран.

Глава XVII

Мужчины рождены для дел правления, а потому должны были получить несколько лишних капелек разума, необходимых для поддержания мужского достоинства; по этому случаю мужчина обратился ко мне за наставлением как, впрочем, он поступает всегда, – и я тотчас же подала ему достойный совет: сочетаться браком с женщиной, скотинкой непонятливой и глупой, но зато забавной и милой, дабы она своей бестолковостью приправила и подсластила тоскливую важность мужского ума. Недаром Платон колебался, к какому разряду живых существ подобает отнести женщину, – разумных или неразумных, сомнением своим желая указать, что глупость есть неотъемлемое свойство ее пола⁸². Если женщина даже захочет прослыть умной, как она ни бейся, окажется вдвойне душой, словно бык, которого, рассудку вопреки, ведут на ристалище, – ибо всякий врожденный порок лишь усугубляется от попыток скрыть его под личиною добродетели. Правильно говорит греческая пословица: «Обезьяна всегда остается обезьяной, если даже облечется в пурпур»; так и женщина вечно будет женщиной, иначе говоря, душой, какую бы маску она на себя ни нацепила. И все же я не считаю женщин настолько глупыми, чтобы обидеться на мои слова, ибо я сама женщина и имя мое – Глупость. Ежели поразмыслить как следует, то ведь женщины обязаны мне тем, что они несравненно счастливее мужчин. Начнем с внешней красоты, которую они справедливо ставят превыше всего на свете и с помощью которой самих тиранов подчиняют своей тирании. А с другой стороны, откуда взялась отталкивающая и дикая внешность мужчин, их волосатая кожа, их дремучая борода, весь этот облик преждевременного обветшания, откуда все это, если не от порока мудрости?! Между тем пухлые щеки, тонкий голос и нежная кожа женщин вечно подражают юности. Далее, к чему стремятся женщины в этой жизни, как не к тому, чтобы возможно больше нравиться мужчинам? Не этой ли цели служат все их наряды, притирания, омовенья, дорогие безделушки, мази, благовония, раскрашенные лица, подведенные глаза, искусно увеличенные округлости? Чем привлекают они к себе мужчин, как не глупостью? Чего не позволяют им мужчины во имя сладострастия?! В глупости женщины – высшее блаженство мужчины. Этому, конечно, не станет прекословить тот, кто вспомнит, какую чушь привыкли нести мужчины в любовных беседах и каких только дурачеств они не совершают, лишь бы заставить женщину уступить их вожделению. Теперь вы видите, из какого источника проистекает любовь – первое и величайшее наслаждение в жизни.

---

⁸² Глупость здесь искажает взгляды великого древнегреческого философа-идеалиста *Платона* (427–347 гг. до н. э.), который, напротив, считал, что женщина наделена такими же умственными способностями, как и мужчина.

Глава XVIII

Впрочем, многие мужчины, – и прежде всего старики, более пьяницы, чем женолюбы, – высшее блаженство полагают в попойках. Можно ли представить себе веселый пир, на котором отсутствуют женщины, об этом пусть судят другие, но совершенно несомненно, что без приправы Глупости нам ничто не мило. Это до такой степени справедливо, что во всех случаях, когда подлинная или притворная Глупость не потешает гостей, нарочно приглашают наемного шута или смешного блюдолиза, который забавными, или, говоря попросту, глупыми речами гонит прочь с попойки молчание и скуку. В самом деле, стоит ли обременять чрево всякой снедью, лакомствами и сладостями, если при этом глаза, уши и дух наш не услаждаются смехом, играми и шутками? А для десертов этого рода я – незаменимая повариха. Кто установил все застольные обряды избрание короля пира по жребию, здравицы, питье вкруговую, пение с миртовой ветвью в руках, пляски, пантомиму, – не семь ли греческих мудрецов?⁸³ Нет, не ими, а мною заведено все это для блага человеческого рода. Свойство этих обычаев таково, что чем больше в них глупости, тем полезнее они смертным, ибо если жизнь печальна, она не заслуживает даже названия жизни. А жизнь непременно будет печальной, ежели не изгонять рожденную с нею вместе тоску подобного рода забавами.

---

⁸³ *Семь греческих мудрецов* – Питтак Митиленский, Солон Афинский, Клеобул Родосский, Периандр Коринфский, Хейлон Спартанский, Фалес Милетский и Биант Приенский, полубогатые философы, законодатели и военачальники (VII–VI вв. до н. э.)

Глава XIX

Но, быть может, найдутся среди вас люди, которые пренебрегают такими удобствами и находят радость лишь в общении с друзьями, полагая дружбу наилучшей среди всех вещей и до того необходимой, что ни воздух, ни огонь, ни вода не могут с нею сравниться. По их мнению, лишиться дружбы все равно что лишиться солнца. Дружба, наконец, столь глубоко достойна уважения, что сами философы, если только позволительно на них здесь ссылаться, называют ее в числе величайших благ. А ну как я докажу, что именно я являюсь и кормою, и носом корабля, доставляющего вам это великое благо? И докажу это не крокодилитами, не соритами, не рогатыми силлогизмами⁸⁴ и не какими-нибудь еще диалектическими хитросплетениями, а попросту, как говорится, ткну пальцем. Потакать слабостям своих друзей, закрывать глаза на их недостатки, восхищаться их пороками, словно добродетелями, – что может быть ближе к глупости? Когда влюбленный целует родимое пятнышко своей подруги, когда Бальбин восхищается бородавкой своей Агны⁸⁵, когда отец говорит про косоглазого сына, будто у того плутоватые глазки, – что это такое, как не чистой воды глупость? Да, конечно, трижды, четырежды глупость! – но она одна *соединяет друзей и дружбу хранит неизменно*.

Я говорю о простых смертных, из коих ни один не рождается на свет без недостатков; у кого недостатков меньше, тот и лучше всех. Что же касается богоподобных этих философов, то в их сердце вовсе не бывает дружбы; а если и бывает, то какая-то пасмурная, лишенная всякой приятности, распространяющаяся лишь на немногих, ибо большинство людей глупы и всякий дурачится на свой лад, а сближение возможно только с себе подобными. Если между этими суровыми мужами и зародилось взаимное благоволение, то оно не бывает прочным и длительным; да это и понятно: ведь они – такие строгие, такие глазастые, на пороки друзей они зорки, «как орел или Змей Эпидаврский»⁸⁶, а собственных пороков, словно котомки у себя за плечами, не видят. Такая уж у людей натура, что никто из них не бывает свободен от тяжких пороков. Прибавьте сюда разницу в летах и занятиях, промахи, ошибки, жизненные случайности и скажите: есть ли малейшая возможность для этих Аргусов⁸⁷ вкушать сладость дружбы в течение хотя бы одного часа, ежели не придет к ним на помощь эвифия, как называют ее греки, а по-нашему глупость и легкомыслие? Да что там толковать! Сам Купидон, виновник и родитель всякого сближения между людьми, разве он не слеп, и разве не кажется ему безобразное прекрасным? То же бывает и с вами – каждый доволен своим: старичок боготворит свою старушку, а мальчишка свою девчонку. Так происходит повсюду, и хоть над этим смеются, но именно смешные повадки людей делают жизнь приятной и связывают общество воедино.

⁸⁴ Крокодилиты, сориты, рогатые силлогизмы – термины средневековой формальной логики, обозначающие виды умозаключений.

⁸⁵ Бальбин и Агна – комические любовники, упоминаемые великим римским поэтом Квинтом Горацием Флакком (65–8 гг. до н. э.) в одной из его сатир (I, 3).

⁸⁶ Гораций, «Сатиры», I, 3, 27. Перевод М. Дмитриева.

⁸⁷ Аргус – стоглазый великан, которому ревнивая Гера приказала стеречь возлюбленную Зевса Ио, превращенную ею в корову.

Глава XX

Сказанное о дружбе еще с большим правом применимо и к браку, который есть не что иное, как союз между двумя людьми на всю жизнь. Боже бессмертный, сколько было бы повсеместно разводов или чего другого похуже, если б мужья и жены не скрашивали и не облегчали домашнюю жизнь при помощи лести, шуток, легкомыслия, заблуждения, притворства и прочих моих спутников! Да и много ли вообще заключалось бы браков, если б жених благо-разумно осведомлялся, какими играми еще задолго до свадьбы забавлялась эта столь деликатная и стыдливая на вид барышня? И сколь недолговечными были бы уже заключенные браки, если б деяния жен не оставались скрытыми вследствие беспечности или бестолковости мужей! Все это – заслуга Глупости, ее одну надо благодарить, если жена по-прежнему любезна мужу, муж любезен жене, если в доме царит мир и семейные связи не разрываются. Над рогоносцем смеются и какими только не чествуют его именами, когда он поцелуями осушает слезы прелюбодейки. Но насколько лучше так заблуждаться, нежели терзать себя ревностью, обращая жизнь свою в трагедию!

Глава XXI

Одним словом, без меня никакое сообщество, никакая житейская связь не были бы приятными и прочными: народ не мог бы долго сносить своего государя, господин – раба, служанка – госпожу, учитель – ученика, друг – друга, жена – мужа, квартирант – домохозяина, сожитель – сожителя, товарищ – товарища, ежели бы они взаимно не заблуждались, не прибегали к лести, не щадили чужих слабостей, не потчевали друг друга медом глупости. Сказанного, по-моему, вполне достаточно, но погодите, сейчас вы услышите кое-что поважнее.

Глава XXII

Как вы думаете, может ли полюбить кого-либо тот, кто сам себя ненавидит? Сговорится ли с другими тот, кто сам с собой в разладе? Какой приятности ждать от того, кто сам себе опостылел и опротивел? Никто, полагаю, не дерзнет утверждать, будто нечто подобное возможно, – разве что будет глупее самой Глупости. Попробуйте отвергнуть меня – и не только все прочие люди станут вам несносны, но и каждый из вас себе самому сделается мерзок и ненавистен. Природа во многих смыслах скорей мачеха, нежели мать: ведь наградила же она смертных, особенно тех, кто чуть-чуть поумней, печальной склонностью гнушаться своего и ценить чужое.

А из-за этого вся сладость, все обаяние жизни оскверняются и погибают. Какой толк от красоты, высшего дара бессмертных богов, если она поражена гнилью? Что пользы в юности, ежели к ней примешана закваска старческой печали? Каким образом можешь ты действовать и в своих, и в чужих глазах изящно и благовидно (а благовидность – основа не одних только искусств, но и всех дел человеческих), ежели не явится тебе на помощь стоящая одесную меня Филавтия, которую я по заслугам считаю родной своею сестрой, – так ловко разыгрывает она повсюду мою роль. Что может быть глупее самовлюбленности и самолюбования? Но что изящное или приятное можешь ты сделать, ежели сам себе будешь в тягость? Отними у жизни эту приправу, и ледяным холодом встречен будет оратор со своей речью, никому не угодит своими мелодиями музыкант, освистана будет игра актера, осмеян заодно с Музами поэт, впадет в ничтожество с искусством своим живописец, отощает от голода, сидя на своих лекарствах, врач. Вместо Нирея ты увидишь Терсита, вместо Фаона – Нестора⁸⁸, вместо Минервы – свинью, вместо красноречивого оратора – бессловесного младенца, вместо франта – неотесанную деревенщину. Человек должен любоваться самим собой: лишь понравившись самому себе, сумеет он понравиться и другим. Наконец, высшее блаженство состоит в том, «чтобы желания твои совпадали с выпавшим тебе жребием»⁸⁹, а в этом деле помочь может только моя Филавтия. Благодаря ей каждый бывает доволен своей внешностью, умом, происхождением, должностью, образом жизни и отечеством до такой степени, что ирландец не согласится поменяться с итальянцем, фракиец – с афинянином, скиф – с жителем Счастливых островов. Поразительна мудрость природы, которая при таком бесконечном разнообразии сумела всех уравнять! Если она кого и обделила своими дарами, то возмещает этот изъян усиленной дозой самодовольства, впрочем, прошу прощения за глупость: самодовольство как раз и является ее наилучшим даром. Смеею сказать: ни одно великое дело не обошлось без моего внушения, ни одно благородное искусство не возникло без моего содействия.

⁸⁸ Нирею, самому красивому из осаждавших Трою греков, противопоставляется безобразный Терсит, юноше *Фаону* – старец *Нестор*.

⁸⁹ Перифраз одной строки римского поэта-эпиграмматиста I в. н. э. Марка Валерия Марциала (X, 47, 12).

Глава XXIII

Не война ли – рассадник и источник всех достохвальных деяний? А между тем что может быть глупее, чем вступать по каким бы то ни было причинам в состязание, во время которого каждая из сторон обязательно испытывает гораздо больше неудобств, нежели приобретает выгод? О тех, которые будут убиты, не стоит – как говорили когда-то о мегарцах, – и распространяться. Но я спрашиваю вас: когда два войска, закованные в железо, стоят одно против другого и

«Хриплым рокотом труб оглашается воздух»⁹⁰,

какой толк от этих мудрецов, истомленных учением, с разжиженной, холодной кровью в жилах? Здесь потребны силачи, здоровяки, у которых побольше отваги и поменьше ума. Кому нужен такой воин, как Демосфен, который, следуя совету Архилоха, бежал, бросив щит, едва завидел врагов, прекрасный оратор, но никуда не годный воин!⁹¹ Говорят, однако, что в военном деле прежде всего потребен ум. Да, для вождей, и к тому же ум военный, а вовсе не философский. А вообще-то война, столь всеми прославляемая, ведется дармоедами, сводниками, ворами, убийцами, тупыми мужланами, нерасплатившимися должниками и тому подобными подонками общества, но отнюдь не просвещенными философами.

---

⁹⁰ Вергилий, «Энеида», VIII, 2.

⁹¹ *Архилох* – выдающийся древнегреческий поэт середины VII в. до н. э. Он много странствовал и служил наемником в войсках различных греческих городов-государств. В одном стихотворении Архилох без тени смущения вспоминает о том, как однажды во Фракии позорно бежал с поля брани. Демосфен (384–322 гг. до н. э.) – великий афинский оратор и политический деятель; его речи сыграли большую роль в период борьбы Афин против Македонии. Мория искажает факт трагической биографии Демосфена, который бежал из Афин после поражения родного города и, не желая сдаться македонянам, принял яд.

Глава XXIV

Насколько философы непригодны для каждодневной жизни, тому пример сам Сократ⁹², возведенный оракулом Аполлоновым в чин единственного в мире мудреца, – вот уж приговор, который мудрым никак не назовешь! Вздумалось как-то Сократу, уже не помню по какому случаю, выступить с публичной речью, и он вынужден был удалиться, всеми осмеянный. А ведь муж этот был до такой степени мудр, что даже отвергал звание мудреца, считая его приличным только самому богу, и учил, что умному человеку не подобает вмешиваться в государственные дела; лучше бы уж он посоветовал держаться подальше от мудрости всякому, кто хочет оставаться в числе людей. Что в самом деле, как не мудрость, привело его к осуждению и к чаше с цикутой? Ну да, ведь рассуждая об облаках и идеях, измеряя ножки блохи и умиляясь пению комара, он не успел научиться ничему, имеющему отношение к обыденной жизни. Когда наставнику угрожала смертная казнь, его ученик Платон, преславный адвокат, запнулся на первой же фразе, смущенный шумом толпы. А что сказать о Теофрасте?⁹³ Взойдя на ораторскую трибуну, он тотчас онемел, словно волка увидел. Исократ, воодушевлявший в своих писанных речах воинов накануне битвы, был так застенчив, что ни разу не решился рта раскрыть перед публикой. Марк Туллий⁹⁴, отец римского красноречия, когда начинал говорить, тряся самым жалким образом, задыхаясь и всхлипывая, словно мальчишка, в чем Фабий видит доказательство добросовестного и сознательного отношения оратора к своей задаче. Однако, утверждая это, не признает ли он тем самым мудрость препятствием для достойного ведения тяжб? Что станет с нашими философами, когда в ход пойдет железо, раз они трепещут от страха даже в простом словесном бою? И после этого еще прославляют знаменитое изречение Платона: «Блаженны государства, в которых философы повелевают или властители философствуют»⁹⁵. Справься у историков – и увидишь, что ничего не бывало для государства пагубнее, нежели правители, которые баловались философией или науками. Для примера здесь достаточно будет поименовать обоих Катонов, из коих один смущал спокойствие республики дурацкими доносами, а другой, с излишней мудростью защищая свободу народа римского, способствовал ее окончательному падению⁹⁶. Прибавьте сюда Брутов, Кассиев, Гракхов⁹⁷ и даже самого Цицерона, который не меньше вреда принес республике Римской, нежели Демосфен – Афинской. Уж на что Марк Антонин, который, признаюсь, был хорошим императором, и то своей философией сделался всем в тягость и возбудил всеобщую ненависть. Он был

⁹² Сократ (469–399 гг. до н. э.) – великий древнегреческий философ. Учение Сократа, оказавшее огромное влияние на развитие современной ему мысли, известно из сочинений его учеников Платона и Ксенофонта, так как сам Сократ ничего не писал. Обвиненный в том, что он, отвергая богов, развращает юношество, Сократ был приговорен к смертной казни и умер, выпив чашу с ядом.

⁹³ Теофраст (372–287 гг. до н. э.) – ученик и последователь Аристотеля, известный древнегреческий мыслитель, писатель и ученый-натуралист, автор множества разнообразных сочинений. Замечание Мории о Теофрасте ошибочно, так как Теофраст считался прекрасным оратором.

⁹⁴ Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.) – крупнейший римский оратор, видный государственный деятель, писатель и юрист.

⁹⁵ Платон, «Государство», V, р. 473 С.

⁹⁶ Марк Порций Катон Старший (234–149 гг. до н. э.) – известный римский государственный деятель, участник Второй Пунической войны. В 184 году Катон был избран цензором и прославился как непреклонный блюститель строгих нравов. Марк Порций Катон Младший (95–56 гг. до н. э.), называемый по месту смерти Утическим, правнук Катона Старшего – римский политический деятель, ревностный сторонник республики, сражавшийся против Цезаря на стороне Помпея. После поражения помпеянцев при Тапсе покончил с собой, не желая пережить республику.

⁹⁷ Марк Юний Брут (85–42 гг. до н. э.) и Гай Кассий Лонгин (ум. в 42 г. до н. э.) – римские политические деятели, последние защитники республики, организаторы заговора против Цезаря. После убийства Цезаря вынуждены были удалиться из Рима, а затем, в битве при Филиппах в Македонии, были разгромлены войском триумвиров Марка Антония и Октавиана и покончили с собой. Братья Гракхи, Тиберий (163–132 гг. до н. э.) и Гай (153–121 гг. до н. э.), – римские политические деятели, защитники плебса. Попытки Гракхов провести демократические реформы, не увенчались успехом. Оба брата были убиты.

человек добрый, но, оставив престол такому наследнику, как сын его Коммод, больше причинил государству вреда, нежели принес пользы всем своим управлением⁹⁸. Почему-то нет удачи людям, приверженным мудрости, ни в одном из дел их, особенно же – в детях, как будто сама предусмотрительная природа заботится о том, чтобы болезнь мудрования не распространилась слишком широко. Известно, что сын Цицерона был настоящим вырождением, а мудрый Сократ имел детей, более похожих на мать, чем на отца, иными словами, как правильно заметил некто, настоящих дураков.

---

⁹⁸ *Марк Антонин* – римский император Марк Аврелий *Антонин* (годы правления: 161–180 гг. н. э.). Его внутренняя политика (в частности, устройство детских приютов, помощь пострадавшему от голода и чумы населению и т. д.) создала ему репутацию гуманного правителя. Занимаясь с ранней юности философией, Марк Аврелий был последователем учения стоиков, этическую доктрину которых он изложил в трактате «К самому себе». Сын его Коммод, развратный, слабохарактерный и жестокий деспот, был убит в 192 году.

Глава XXV

Однако пусть они даже будут не способны к общественным занятиям, как ослы к музыке, – это еще куда ни шло; но ведь от них и в повседневных житейских делах нет никакого проку. Допусти мудреца на пир – и он тотчас всех смутит угрюмым молчанием или неуместными расспросами. Позови его на танцы – он запляшет, словно верблюд. Возьми его с собой на какое-нибудь зрелище – он одним своим видом испортит публике всякое удовольствие; и придется мудрому Катону уйти из театра, если он не сможет хоть на время отложить в сторону свою хмурую важность. Если мудрец вмешается в разговор, всех напугает не хуже волка. Если надо что-либо купить, если предстоит заключить какую-либо сделку, если, коротко говоря, речь пойдет об одной из тех вещей, без которых невозможна наша жизнь, тупым чурбаном покажется тебе мудрец этот, а не человеком. Ни себе самому, ни отечеству, ни своим близким не может быть он ни в чем полезен, ибо не искушен в самых обыкновенных делах и слишком далек от общепринятых мнений и всеми соблюдаемых обычаев. Из такого разлада с действительной жизнью и нравами неизбежно рождается ненависть ко всему окружающему, ибо в человеческом обществе все полно глупости, все делается дураками и среди дураков. Ежели кто захочет один восстать против всей вселенной, я посоветую ему бежать, по примеру Тимона⁹⁹, в пустыню и там, в уединении, наслаждаться своей мудростью.

---

⁹⁹ *Тимон* (V в. до н. э.) – богатый афинянин, который, возмущившись человеческой неблагодарностью, удалился от людей. Имя его еще в древности стало нарицательным для обозначения человеконенавистника (ср. также трагедию Шекспира «Тимон Афинский»).

Глава XXVI

Но возвращаюсь к прежней своей мысли: какая сила собрала этих каменных, дубовых, диких людей в государство, если не лесть? Таков единственный смысл преданий об Амфионе и Орфее¹⁰⁰. Что утихомирило римский плебс, уже готовый разрушить республику? Уж не философская ли диссертация? Ничуть не бывало! Просто смешная ребяческая басня о чреве и членах человеческого тела¹⁰¹. Не менее пользы принесла сходная басня Фемистокла о лисице и еже¹⁰². Какая мудрая речь могла бы сравниться по своему действию с выдумкой Сертория, рассказавшего солдатам про вещую лань¹⁰³, или с опытами, которые славный спартанец проделал с двумя собаками¹⁰⁴, а тот же Серторий – с лошадиным хвостом¹⁰⁵. Не буду говорить о Миносе и Нуме, которые правили глупой толпой посредством ловко придуманных басен¹⁰⁶. Чепуха этого сорта приводит в движение исполинского, мощного зверя – народ.

---

¹⁰⁰ Амфион звуками своей лиры заставлял каменные глыбы слагаться в стену вокруг города Фив. Орфей своими песнями укрощал диких зверей и приводил в движение деревья и скалы (греч. миф.).

¹⁰¹ Имеется в виду предание о том, как в 494 году до н. э. римские плебеи, возмущенные жестокими притеснениями со стороны патрициев, покинули Рим и удалились на Священную гору (невдалеке от города). Посол патрициев Менений Агриппа умиротворил народ, рассказав басню о членах человеческого тела, которые взбунтовались против желудка, за что сами заплатились крайним изнеможением.

¹⁰² Фемистокл (526–461 гг. до н. э.), известный древнегреческий полководец и политический деятель, однажды успокоил афинян, возмущенных жадностью должностных лиц, рассказав басню об увязшей в болоте лисе, которая просила ежа не отгонять облепивших ее комаров, так как они уже напились ее крови, а на их место могут слететься новые, голодные и потому еще более жадные и жестокие.

¹⁰³ Квинт Серторий (ум. в 72 г. до н. э.) – римский полководец и политический деятель. Будучи наместником в Испании, откололся от Рима во время диктатуры Суллы, противником которого он был, и возглавил армию, состоявшую из наемников и римских изгнанников. Стремясь укрепить свой авторитет, Серторий показывался солдатам с ручной белой ланью, якобы подаренной ему Дианой.

¹⁰⁴ Имеется в виду полулегендарный законодатель Спарты Ликург (ок. X в. до н. э.), который, чтобы наглядно доказать необходимость реформы воспитания юношества, по-разному вырастил двух щенков: один из них был прожорливым и ленивым, а второй проворным. Когда щенков спустили с цепи, первый бросился к миске с похлебкой, а второй погнался за живым зайцем.

¹⁰⁵ Желая показать своим сторонникам, что единодушие важнее силы, Серторий сначала велел молодому, сильному солдату вырвать хвост у старой клячи, а потом приказал дряхлому старику вырвать хвост у молодого коня. Первый справился со своей задачей с большим трудом, потому что старался вырвать весь хвост сразу, а второй легко выщипал волос за волосом.

¹⁰⁶ Мифический царь и законодатель Крита Минос каждые девять лет якобы посещал Зевса и получал от него наставления. Полулегендарный древнеримский царь Нума Помпилий, по преданию, постоянно советовался с мудрой нимфой Эгерией, которая открывала ему волю богов.

Глава XXVII

А с другой стороны, было ли когда-нибудь такое государство, которое бы приняло законы Платона или наставления Сократа? Что побудило Дециев добровольно посвятить себя подземным богам¹⁰⁷, что заставило Курция броситься в расщелину¹⁰⁸, если не суетная слава – эта оболстительная сирена, строго порицаемая нашими мудрецами? Что может быть глупее, говорят они, чем пресмыкаться перед народом, домогаясь высокой должности, снискивать посулами народное благоволение, гоняться за рукоплесканиями глупцов, радоваться приветственным кликам, позволять носить себя во время триумфа, словно знамя, на потеху черни, стоять на площади в образе медной статуи? А громкие имена и почетные прозвища?! А божеские почести, воздаваемые ничтожнейшим людишкам, а торжественные обряды, которыми сопричислялись к богам гнуснейшие тираны?! Все здесь глупость на глупости, и для осмеяния всего этого понадобился бы не один Демокрит. Станет ли кто оспаривать мое мнение? Но не из этого ли источника родились подвиги могучих героев, превознесенных до небес в писаниях столь многих красноречивых мужей? Глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд. Да и что такое вся жизнь человеческая, как не забава Глупости?

---

¹⁰⁷ *Деции* – римский патрицианский род. Три представителя этого рода (отец, сын и внук) погибли в боях за отечество (IV–III вв. до н. э.).

¹⁰⁸ Имеется в виду рассказ о подвиге Марка *Курция*; в 362 году до н. э. он бросился в появившуюся посреди римского форума расщелину, которую, согласно прорицаниям, во избежание великих несчастий, нужно было заполнить самым дорогим, что есть в Риме.

Глава XXVIII

Но обратимся к наукам и искусствам. Что, кроме жажды славы, могло подстрекнуть умы смертных к изобретению и увековечению в потомстве стольких, по общему мнению, превосходных наук? Воистину глупы донельзя люди, полагающие, что какая-то никчемная, ничего не стоящая известность может вознаградить их за бдения и труды. Да, именно Глупости обязаны вы столь многими и столь важными жизненными удобствами, и – что всего слаще – вы пользуетесь плодами чужого безумия.

Глава XXIX

Теперь, когда я уже воздала похвалы могуществу моему и трудолюбию, мне остается еще похвалить себя за рассудительность. Иные скажут, что рассудительность мне столь же родственна, сколь вода огню; но я надеюсь убедить вас в обратном – слушайте только меня по-прежнему внимательно и благосклонно.

Прежде всего, если рассудительность сказывается в деловитости, то кто, спрошу я, имеет право притязать на почетное звание человека рассудительного: мудрец ли, который отчасти по излишней совестливости, отчасти по малодушию ничего не решается предпринять, или на все дерзающий дурак, не сдерживаемый ни стыдом, которого не имеет, ни опасностью, которой не сознает. Мудрец обращается к древним писаниям и выискивает в них одни только хитросплетения словес. Дурак, напротив того, постоянно вращаясь в самой гуще жизни, приобретает, по-моему, истинную рассудительность. Это ясно видел, вопреки своей слепоте, еще Гомер и потому сказал: «Событие зрит и безумный»¹⁰⁹. Поистине, два великих препятствия стоят на пути правильного понимания вещей: стыд, наполняющий душу, словно туман, и страх, который перед лицом опасности удерживает от смелых решений. Но Глупость с удивительной легкостью гонит прочь и стыд и страх. Однако лишь немногие смертные понимают, сколь выгодно и удобно никогда не стыдиться и ни перед чем не робеть.

Если же под рассудительностью разуместь способность правильно судить о вещах, то послушайте, молю вас, сколь далеки от нее те, кто всего более похваляется этой способностью. Прежде всего, не подлежит сомнению, что любая вещь имеет два лица, подобно Алкивиадовым силанам¹¹⁰, и лица эти отнюдь не схожи одно с другим. Снаружи как будто смерть, а загляни внутрь – увидишь жизнь, и наоборот, под жизнью скрывается смерть, под красотой – безобразие, под изобилием – жалкая бедность, под позором – слава, под ученостью – невежество, под мощью – убожество, под благородством – низость, под весельем – печаль, под преуспеванием – неудача, под дружбой – вражда, под пользой – вред; коротко говоря, сорвав маску с Силена, увидишь как раз обратное тому, что рисовалось с первого взгляда. Быть может, кому-нибудь это мое рассуждение покажется чересчур философским – извольте, буду говорить грубее и проще. Кого, как не короля, считать богатым и могучим? Но если не имеет он в душе своей ничего доброго, если вечно он ненасытен, то остается беднейшим из бедняков. А если к тому же в душе он привержен многим порокам, – он уже не только нищий, но и презренный раб. Подобным же образом надлежит рассуждать и обо всем прочем. Но хватит с нас и одного примера.

«К чему, однако, все это?» – быть может, спросит кто-либо из вас. Сейчас услышите, куда я клоню. Если бы кто-нибудь сорвал на сцене маски с актеров, играющих комедию, и показал зрителям их настоящие лица, разве не расстроил бы он всего представления и разве не прогнали бы его из театра камнями, как юродивого? Ведь все кругом мгновенно приняло бы новое обличье, так что женщина вдруг оказалась бы мужчиной, юноша – старцем, царь – жалким оборвышем, бог – ничтожным смертным. Устранить ложь – значит испортить все представление, потому что именно лицедейство и притворство приковывают к себе взоры зрителей. Но и вся жизнь человеческая есть не иное что, как некая комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль, пока хорег не уведет их с просцениума¹¹¹. Хорег этот часто одному и тому же актеру поручает различные роли, так что порфиноносный царь внезапно

¹⁰⁹ Гомер, «Илиада», XVII, 32.

¹¹⁰ Алкивиад (ок. 450–404 гг. до н. э.) – известный афинский политический деятель, друг Сократа. В диалоге Платона «Пир» Алкивиад произносит речь, в которой сравнивает Сократа с силанами (уродливыми фигурами, внутри которых скрывались прекрасные изображения).

¹¹¹ Хорег – руководитель хора (греч.). Просцениум (проскений) – в античном театре площадка, на которой играли актеры.

появляется перед нами в виде несчастного раба. В театре все оттенено более резко, но, в сущности, там играют совершенно так же, как в жизни. Что, ежели теперь какой-то свалившийся с неба мудрец вдруг поднимет крик, уверяя, будто тот, кого все почитают за бога и своего господина, даже и не человек, ибо по-скотски следует лишь велениям страстей, что он подлый раб, ибо сам добровольно служит многим и к тому же гнусным владыкам? Что, если, встретив человека, оплакивающего своего умершего отца, мудрец повелит ему радоваться, коль скоро лишь теперь покойник начал по-настоящему жить: ведь наша здешняя жизнь – лишь подобие смерти?! Что, если тот же мудрец, увидя дворянина, хвастающегося своими предками, обзовет его безродным нищим на том основании, что ему чужда сердечная доблесть, единственный источник истинного благородства? Что, если он со всеми и с каждым вздумает рассуждать подобным же образом – разве не станут все глядеть на него, как на буйнопомешанного? Как ничего нет глупее непрошеной мудрости, так ничего не может быть опрометчивее сумасбродного благоразумия. Сумасбродом называю я всякого, не желающего считаться с установленным положением вещей и применяться к обстоятельствам, не помнящего основного закона всякого пиршества: либо пей, либо – вон, и требующего, чтобы комедия не была комедией. Напротив, истинно рассудителен тот, кто, будучи смертным, не стремится быть мудрее, чем подобает смертному, кто снисходительно разделяет недостатки толпы и вежливо заблуждается заодно с нею. Но ведь в этом и состоит глупость, скажут мне. Не стану спорить, но согласитесь и вы, что это как раз и значит играть комедию жизни.

Глава XXX

Говорить ли мне дальше, о боги бессмертные, или умолкнуть теперь же? Зачем умолкать, когда слова мои – сущая правда? Но, пожалуй, в таком деле не мешало бы пригласить на помощь Муз геликонских¹¹², к которым поэты то и дело взывают из-за всякой чепухи. Так пособите же мне малость, дочери Юпитера, дабы могла я доказать, что к высокой оной мудрости, к этой твердыне блаженства, как ее прозвали философы, не отыскать пути, ежели Глупость не согласится быть вашим вожатым. Уже признано нами, что все чувствования подлежат ведению Глупости. Тем и отличен от дурня мудрец, что руководствуется разумом, а не чувствами. Поэтому стоики тщатся отстранить от мудреца все волнения, словно какие-то недуги, забывая, что чувства и страсти не только как рачительные пестуны направляют поспешающего в гавань мудрости, но сверх того служат хлыстом и шпорами доблести, ибо они-то и побуждают человека ко всякому доброму делу. Правда, это яростно оспаривает сугубый стоик Сенека, воспевающий мудрецу всякое душевное волнение. Но при этом он уже ничего не оставляет от человека, а создает некоего нового бога, какого никогда не бывало и никогда не будет; говоря яснее, он воздвигает мраморное подобие человека, застывшее и лишенное всех людских свойств. Пусть философы, ежели им это нравится, носятся со своим мудрецом, пусть никого не любят, кроме него, пусть пребывают с ним вместе в государстве Платона, или в царстве идей¹¹³, или в садах Танталовых!¹¹⁴ Кто не убежит в ужасе от такого существа, не то чудовища, не то привидения, недоступного природным чувствованиям, не знающего ни любви, ни жалости,

Твердому камню подобного, скалам Марпесса холодным¹¹⁵,

от которого ничто не ускользает, который никогда не заблуждается, который, подобно зоркому Линкею¹¹⁶, все видит насквозь, все тщательно взвешивает, все знает, который одним только собой доволен, один богат, один здоров, один – царь, один – свободен, коротко говоря, он один – все, но... лишь в собственных своих помышлениях; не печалится он о друге, ибо сам никому не друг, даже богам готов накинуть петлю на шею, и все, что только случается в жизни, он осмеивает и порицает, во всем усматривая безумие. Вот он каков, этот совершенный мудрец. Теперь позвольте спросить: если бы вопрос решался голосованием, какое государство согласилось бы поставить над собою подобного правителя, какое войско последует за подобным вождем, какая женщина изберет себе такого супруга, кто согласится иметь за столом такого сотрапезника, какой раб снесет иго господина, обладающего подобным нравом? Кто не предпочтет ему последнего дурака из простонародья, который равно способен и повелевать глупцами, и повиноваться им, который будет угоден себе подобным (а таких всегда большинство), ласков с женой, обходителен с друзьями, весел на пиру, приятен в сожительстве и которому не чуждо ничто человеческое?! Но мне даже противно говорить долее об этом мудреце. Обратимся лучше к другим благам, которые доставляет вам Глупость.

¹¹² *Геликон* – гора в Беотии (область Средней Греции), где, согласно греческим мифам, обитали Музы.

¹¹³ В диалоге «О государстве» Платон излагает принципы совершенного, с его точки зрения, государственного устройства. Идеи в учении Платона – сущности и прообразы вещей, образующие особый мир, отражением которого является мир материальный.

¹¹⁴ В наказание за разглашение тайн богов царь Фригии *Тантал* был осужден в царстве мертвых вечно мучиться голодом, видя спелые плоды над самой своей головой, но тщетно пытаясь их сорвать.

¹¹⁵ Вергилий, «Энеида», I, 471. Марпесс-гора на острове Паросе, из которой добывался знаменитый паросский мрамор.

¹¹⁶ *Линкей* – мифический герой, был одарен необыкновенно острым зрением, проникавшим даже в недра земные.

Глава XXXI

Ежели поглядеть на наш мир с высоты небес, как смотрит, по рассказам поэтов, Юпитер, скольких бед исполнена жизнь человеческая: жалкое и грязное рождение, мучительное воспитание, детство, сопряженное с бесчисленными обидами, юность, обремененная бесчисленными трудами, тяжкая старость, суровая неизбежность смерти, целая рать болезней, множество несчастных случайностей и житейских невзгод – повсюду мед отравлен желчью! Не стану уж вспоминать, сколько зла причиняет человек человеку! Бедность, тюрьма, позор, бесчестие, пытки, мятежи, интриги, злословие, тяжбы, обманы... Но не пытаюсь ли я, в самом деле, исчислить песок морской? Негоже рассуждать здесь о том, какими грехами навлекли на себя люди все эти бедствия или какой гневный бог осудил их рождаться для горя и скорбей. Воистину всякий, кто поразмыслит как должно, никогда не осудит Милетских дев, сколь ни жалкой представляется нам их участь¹¹⁷. Но какие люди чаще всего налагали на себя руки, пресытившись печалью жизни? Не те ли, которые ближе всего стояли к мудрости? Не говоря уже о Диогенах, Ксенократах¹¹⁸, Катонах, Кассиях и Брутах, напомним здесь Хирона, который мог получить бессмертие, но выбрал смерть¹¹⁹. Судите сами, что случилось бы, если б все люди были мудрецами: опять понадобился бы кусок глины, и вновь пришлось бы взяться за работу гончару Прометею¹²⁰. Но я, обращаясь к помощи то невежества, то бездумья, даруя забвение всех зол и надежду на лучшее будущее, щедро окропляя людей медвяной росой наслаждения, так успешно помогаю им в бедах, что никто не желает расставаться с жизнью, прежде чем не кончилась нить Парок¹²¹ и жизнь сама не оставила тела; чем меньше у человека причин дорожить существованием, тем крепче он за него цепляется, не подозревая даже, что такое пресыщение и тоска. Благодаря моим дарам вы увидите повсеместно старцев в летах Нестеровых, у которых и образа человеческого не сохранилось – шамкающих, слабоумных, беззубых, седых, лысых, или, как рисует их Аристофан, неопрятных, скрюченных, жалких, сморщенных, оплешивевших, отупевших, но сластолюбивых¹²²; и, однако, они так наслаждаются жизнью, так молодятся, что иной, глядишь, красит свои седины, другой прикрывает лысину накладными кудрями, третий вставляет себе зубы, быть может, выдернутые из свиной челюсти, четвертый жалостно вздыхает по какой-нибудь девчонке и в любовных глупостях готов состязаться с зеленым юнцом. Иные в гроб смотрят, настоящие старые хрычи, а туда же, берут себе молодую жену, бесприданницу, конечно, и берут ее на потребу не столько себе, сколько другим; это случается повсеместно и вызывает даже похвалы. Еще забавнее, когда дряхлая старуха, труп трупом, словно только что с того света воротилась, то и знай повторяет: «Светик мой», резвится, жеманится, привлекает за немалую мзду какого-нибудь Фаона, усердно расписывает румянами лицо, не отходит от зеркала, выщипывает заросли у себя между ногами, выставляет напоказ свои увядшие, рыхлые груди, криками, визгом подстрекает уснувшее вождение, тянет вино, как губка, вмешивается в толпу пляшущих девушек, строчит любовные цидулки. Все над ней смеются, потому что это воистину весьма глупо; но сами старушонки собою довольны, насла-

¹¹⁷ По свидетельству римского писателя Авла Гелия (II в. н. э.), эти девушки, потеряв рассудок, все разом покончили с собой.

¹¹⁸ *Диоген* Синопский (ок. 404–323 гг. до н. э.) – древнегреческий философ-киник; согласно легенде, он покончил жизнь самоубийством, задержав и остановив дыхание. *Ксенократ* Халкидский (ок. 406–314 гг.) – древнегреческий философ, ученик и последователь Платона; ему приписывался философский трактат о смерти.

¹¹⁹ *Хирон* – мудрый и справедливый кентавр, воспитатель Ахилла. По одной из версий мифа, он добровольно умер вместо Прометея, передав ему свое бессмертие.

¹²⁰ Согласно одному из вариантов мифа о *Прометее*, он сотворил первых людей из глины.

¹²¹ *Парки* (Мойры) – три богини судьбы, одна из которых пряла нить человеческой жизни, другая тянула ее, а третья обрезала (греч. миф.).

¹²² *Аристофан*, «Богатство», 266–267.

ждаются жизнью, упиваются медом, и все – по моей милости. И я прошу всех, кто находит это смешным, поразмыслить, что лучше – наслаждаться подобным образом, при содействии Глупости, или искать, как это говорится, перекадину для петли? Что касается позора, который, по общему мнению, навлекают на человека такие дела, то для моих дурачков его словно и не существует: они либо вовсе его не сознают, либо ежели сознают, то легко с ним мирятся. Вот если камень на голову свалится, это – настоящая беда, а позор, бесчестие, хула и дурная молва лишь постольку доставляют неприятности, поскольку мы их замечаем. А не замечаем – так и беды нет совсем. Что тебе до того, ежели все кругом тебя свищут, когда сам ты себе рукоплещешь? Но все это становится возможным единственно при помощи Глупости.

Глава XXXII

Однако я уже предвижу, что со мной заспорят философы. «Подчиняться Глупости, – скажут они, – заблуждаться, обманываться, коснеть в невежестве – все это и значит быть несчастным». Нет, это значит быть человеком. Не понимаю, чего ради называть таких людей несчастными, раз они так рождены, так воспитаны, так приучены и ежели таков общий удел. Нет никакого несчастья в том, чтобы во всех отношениях быть подобным другим существам своей породы, иначе придется жалеть человека потому, что он не может летать вместе с птицами, не ходит на четвереньках вместе со скотами и не носит на лбу рогов наподобие быка. Воистину тогда пришлось бы назвать несчастливцем и прекраснейшего коня – потому что он не знает грамматики и не ест пирожных, и быка – потому что он не пригоден для забав палестры¹²³. Но если нечего жалеть неискушенного в грамматике коня, то нельзя назвать несчастным и глупого человека, ибо такова уж его натура. Здесь опять ополчатся на меня хитроумные спорщики: «Для того, – говорят они, – и дано человеку, в отличие от прочих живых существ, познание наук, чтобы он образованием ума восполнял пробелы, оставленные природой». Но разве это хоть в малой мере похоже на правду? Природа, с таким бдительным тщанием создавшая мошек, травы и цветы, задремала, изволите видеть, и дала маху, когда творила человека, так что один он нуждается в поддержке наук – тех самых наук, которые на погибель роду человеческому изобрел Тевт¹²⁴, этот враждебный людям гений! Отнюдь не способствуя нашему счастью, науки лишь вредят той цели, ради которой они якобы созданы, как это изящно доказывает у Платона один умный царь¹²⁵.

Итак, науки, вместе с другими язвами человеческой жизни, появились на свет лишь по вине тех, от кого происходят все наши напасти, а именно – по вине демонов; на то указывает самое их название – демоны, словно бы даэмоны, то есть знающие. В золотом веке человеческий род, не вооруженный никакими науками, жил, следуя указаниям одной природы. Какая, в самом деле, была нужда в грамматике, когда у всех был один общий язык и искусство речи служило лишь для того, чтобы люди понимали друг друга? Какую пользу могла принести диалектика, когда не существовало несходных мнений? Есть ли место риторике там, где никто не доставляет соседу никаких хлопот? К чему знание законов при отсутствии дурных нравов, от которых – в том нет сомнения – родились хорошие законы? Далее, древние люди были слишком богобоязненны, чтобы испытывать с нечестивым любопытством тайны природы, исчислять величину, движения и влияния небесных тел, пытаться проникнуть в сокровенные причины вещей; они сочли бы кощунством желание смертного человека сделаться мудрее, нежели то предопределено его жребием. А безумная мысль исследовать то, что находится за пределами небес, никому и в голову не приходила. Но по мере того как первобытная невинность золотого века начала клониться к упадку, злые гении изобрели науки и искусства, впрочем, на первых порах весьма немногочисленные и усвоенные лишь немногими. Впоследствии суеверие халдеев¹²⁶ и праздное легкомыслие греков присовокупили сюда множество новых орудий умственной пытки, и теперь одной грамматики за глаза хватит, чтобы обратить в сплошное мученье всю жизнь человека.

¹²³ *Палестра* – гимнастическая школа в Древней Греции.

¹²⁴ *Тевт* (или Тот) – легендарный создатель математики, алфавита и астрономии.

¹²⁵ Эразм имеет в виду рассказ Платона («Федр», р. 274 С – D) о споре египетского царя Тама с обучавшим его Тевтом. Тевт утверждал, что искусство письма помогает памяти. Там доказывал, что оно, напротив, вредно, так как, овладев им, человек больше записывает, чем запоминает.

¹²⁶ *Халдеи* – племена Южной Месопотамии, образовавшие в VII в. до н. э. Ново-Вавилонское царство; они считались изобретателями астрологии и магии, поэтому впоследствии в Риме астрологов называли халдеями.

Глава XXXIII

Впрочем, и между самими науками превыше всего ценятся те, которые ближе стоят к здравому смыслу, иначе говоря, к глупости. Голодают богословы, мерзнут физики, терпят посмеяние астрологи, живут в пренебрежении диалектики. Только муж-врачеватель многим другим предпочтен¹²⁷. Но и среди врачей – кто невежественнее, нахальнее, безрассуднее остальных, тому и цена выше даже у венчанных государей. Да и сама медицина, в том виде, в каком многие ею теперь занимаются, не что иное, как искусство морочить людей, – нисколько не хуже риторики.

К врачам ближе всего законники-крючкотворы; быть может даже, их следует поставить на первое место – сама судить не решусь; во всяком случае, все философы единодушно называют их ремесло ослиным. И, однако, от решений этих ослов зависят все дела – как самые важные, так и самые незначительные. Имена законников умножаются, между тем как теолог, постигнувший глубочайшие тайны божества, жует волчцы и ведет жестокую войну с клопами и блохами. Итак, если среди ученых счастливее других те, которые состоят в наиболее близком родстве с Глупостью, то, без сомнения, величайшие счастливицы – те, кто воздерживается от всякого соприкосновения с науками и исполняет веления одной природы; ведь природа никогда не заблуждается, разве только мы сами попытаемся перешагнуть за положенные человеческой доле границы. Ненавистна природе всякая подделка, и всего лучше бывает то, что не искажено ни наукой, ни искусством.

---

¹²⁷ Гомер, «Илиада», XI, 514.

Глава XXXIV

Посмотрите далее на любую другую породу живых существ: всех счастливей – те, которые не знают ни учения, ни дрессировки, но живут исключительно по закону природы. Кто блаженнее пчел, кто более их достоин восхищения? А ведь они даже не обладают всеми нашими телесными чувствами. Какой зодчий может с ними сравниться? Какому философу удалось учредить столь совершенную республику? С другой стороны – вот вам лошадь: чувствами своими она вполне подобна человеку и уже давно стала его товарищем и спутником, зато и делит с ним все невзгоды. Во время состязаний она задыхается от усталости, боясь поражения, а на войне напрягает все силы для победы, пока не ударится мордой о землю, рухнув вместе с седоком. Не говорю уже о зубчатых удилах, шпорах с острыми шипами, стойлах, подобных темницам, плетях, палках, путах, тяжести всадника и вообще обо всей этой трагедии рабства, на которую она добровольно себя обрекла, потому что стремится, подражая могучим мужам, отмщать своему врагу любой ценой. Насколько завиднее жизнь мушек и птичек, не знающих иного руководителя и наставника, нежели природа! Лишь бы только люди не преследовали их своими западнями, ибо стоит птице попасть в клетку, как она привыкает болтать человеческим языком и теряет весь блеск своей природной красоты. Настолько творения природы выше подделок искусства! Не нахожу достаточно похвал для того петуха Пифагора, который последовательно был философом, мужчиной, женщиной, царем, простолюдином, рыбой, лошадью, лягушкой и даже, сколько помнится, губкой и решил в конце концов, что нет существа несчастнее человека, поскольку все остальные животные довольствуются теми пределами, в которые их заключила природа, и лишь он один пытается раздвинуть границы своего жребия¹²⁸.

---

¹²⁸ Намек на диалог Лукиана «Петух, или Сновидение», в котором петух рассказывает о своих превращениях из воина в философа Пифагора, затем в гетеру, циника Кратета, царя, нищего, сатрапа, коня, галку, лягушку и, наконец, в петуха.

Глава XXXV

Далее, по мнению того же петуха, между людьми идиоты стоят много выше ученых и знатных. Грилл оказался гораздо мудрее многоопытного Одиссея, когда предпочел лучше хрюкать в хлеву, чем подвергаться вместе со своим предводителем новым опасностям. В этом со мною, кажется, согласен и сам Гомер, отец всяческой чуши, ибо он постоянно именует смертных жалкими и злополучными, а мудрого своего Одиссея частенько зовет горемыкой, между тем как ни разу не дает этого прозвища ни Парису, ни Аяксу, ни Ахиллу. Почему бы это? Не потому ли, что хитрый выдумщик Одиссей ничего не предпринимал без совета Паллады, мудрил свыше меры и постоянно отвергал внушения природы? Итак, между смертными те всего далее от блаженства, которые стремятся к мудрости, нет! они вдвойне глупы, ибо, родившись на свет людьми, мечтают, забывая о своей доле, уподобиться бессмертным богам и по примеру титанов ведут войну против природы с помощью машин, именуемых науками. Зато как счастливы, по-видимому, те, которые всего ближе к безмозглым скотам и даже не помышляют ни о чем чересчур высоком! Попробуем пояснить это не стоическими Энтимемами¹²⁹, но самым грубым и для всех очевидным примером. Бессмертными богами клянусь, не лучше ли всего живется той породе людей, которые слынут шутами, дураками, тупицами, болванами, – прекрасные, на мой вкус, прозвища! То, что я сейчас скажу, с первого взгляда может показаться нелепым и бессмысленным, и, однако, это – истинная правда. Прежде всего подобного рода люди свободны от страха смерти – зла превеликого, клянусь Юпитером! Укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнью грядущих бедствий не терзаются, надеждой на будущие блага не обольщаются. Говоря короче, не тяготят их тысячи забот, которыми полна наша жизнь. Не стыдятся они, не завидуют, ни о чем не хлопочут, никого не любят и не уважают. Еще один шаг в сторону скотского неразумия – и, по мнению богословов, их заблуждения даже грехом нельзя будет назвать. А теперь взвесь, глупейший мудрец, все заботы, которые денно и нощно гложут твою душу, собери воедино все невзгоды твоей жизни, и ты уразумеешь, от скольких зол спасаю я моих дураков. Добавь сюда, что они не только сами вечно радуются, резвятся, напевают, смеются, но сверх сего одним своим появлением и другим людям приносят веселье, радость, шутки и смех, словно посланы милосердными богами разгонять все печали человеческой жизни. Потому-то, хотя вообще люди относятся друг к другу отнюдь не одинаково, дурачков все любят, как близких и родных, зовут в гости, балуют, ласкают, приходят к ним на помощь в беде; им позволяют безнаказанно говорить и делать что угодно. Никто не решится причинить им обиду, даже дикие звери их не трогают ради их простоты. Поистине, они посвящены богам, особенно – мне, почему и пользуются всеобщим и заслуженным уважением.

¹²⁹ *Энтимема* – сокращенный силлогизм (одна из посылок опущена).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.